

СОЦИОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ

ФОРМЫ ТЕЛЕСНОГО КАПИТАЛА: АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ¹

Александр Михайлович Пивоваров (a-pivovarov@mail.ru)

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Пивоваров А.М. (2024) Формы телесного капитала: анализ социологических концептов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 152–178. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.6>. EDN: FKCZRP

Аннотация. Обзорная статья посвящена анализу положения телесности в концепциях, интерпретирующих и развивающих классификацию форм капитала П. Бурдьё, который рассматривал телесный капитал только лишь как разновидность культурного капитала. Анализируются работы исследователей (К. Хаким, Д. Хатсон), которые предлагают рассматривать телесность (в ее разных проявлениях) в качестве четвертой формы капитала наряду с тремя уже устоявшимися формами. Рассматриваются новые концепты, связанные с телесностью, созданные в русле бурдьевианской теории капитала и призванные дать описание дополнительным основаниям для возникновения иерархий в современных обществах. Автор солидаризируется с теми исследователями, кто считает, что сегодня телесность является самостоятельной формой капитала, поскольку ее свойства сами по себе влияют на положение индивида внутри различных социальных полей. По мнению автора, место четырех форм самого телесного капитала могут занять такие концепты, как физический, сексуальный/эротический, гендерный и эстетический капитал. Два важнейших аспекта функционирования телесного капитала — его аккумуляция и конвертация. Последняя осуществляется на двух уровнях: во-первых, врожденные и приобретенные свойства тела трансформируются в иные формы капитала — экономическую, культурную, социальную; во-вторых, процессы конвертации происходят между формами самого телесного капитала. Телесный капитал, как и любая форма капитала, не может быть полностью лишен потенциала отчуждения, однако внимание к различным аспектам телесности, даже с точки зрения их капитализации, становится в эпоху цифровизации формой стихийного сопротивления диктату алгоритмической рациональности.

Ключевые слова: капитал, телесность, телесный капитал, физический капитал, сексуальный/эротический капитал, гендерный капитал, эстетический капитал, Бурдьё, цифровизация.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31138.

Введение

В современных обществах новоевропейской культуры, возникшей в эпоху Возрождения и раннего Нового времени (Гайденко 2000: 6) и окончательно завоевавшей сегодня весь мир, «экономические факторы господствуют в общественном сознании» (Веселов 2011: 6). Экономика не только давно получила полную автономию от других сфер общественной жизни, но и сама определяет практически все социальные отношения (а не наоборот, как было в предыдущие эпохи). Само название современной стадии всеобщей истории — капитализм — имеет отчетливо экономическую коннотацию.

Ключевое открытие К. Маркса, которое он, возможно, не до конца сам осознавал, заключалось в понимании важнейшей особенности капитализма, а именно перманентного превращения в капитал, т.е. капитализации, всего чего угодно, «когда все новые и все более неожиданные ресурсы и отношения вовлекаются в создание стоимости» (Иванов 2014: 128).

В современных социальных науках понятие капитала «отрывается от стоимостной основы в ее непосредственном экономическом смысле¹» (Радаев 2002: 22) и определяется как ограниченный, накапливаемый и конвертируемый ресурс, который способен приносить прибыль или выгоду².

Человеческое тело большую часть истории человечества непременно участвовало в создании стоимости, поскольку с его помощью осуществлялась и продолжает осуществляться значительная часть трудовой деятельности. Однако сегодня «живой труд» перестал быть просто одним из факторов производства товаров. Во многом благодаря развитию цифровой медиасреды и визуальных коммуникаций тело человека стало приносить материальные и символические прибыли само по себе. Обладание определенными телесными свойствами независимо от других ресурсов способно влиять на движение человека в социальном пространстве, его жизненные шансы и возможности приобретения социально значимых благ (см., например: Andreoni, Petrie 2008; Anderson et al. 2010; Hakim 2011; Hutson 2012; Hallo, Kuipers 2016). Идея телесного («физического») капитала, предложенная П. Бурдьё в конце 1970-х годов., оказалась широко востребованной исследователями и создала основу для большого массива теоретических работ (Wacquant 1995; Mears, Finlay 2005; Martin, George

¹ В классической трудовой теории стоимости последняя связывалась с затратами труда на производство товара.

² Однако и в этом понимании капитал сохраняет свою меновую стоимость, т.е. «количественно определенную способность к обмену на другие ресурсы» (Радаев 2002: 22). Тем самым обеспечивается конечная ликвидность любого капитала.

2006; Green 2008; Bridges 2009; Anderson 2010; Mears 2015). Однако большинство из них не выходит за рамки бурдьезианского понимания телесного капитала как элемента культурного капитала (его инкорпорированной формы).

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе систематизации разрозненных идей социальных исследователей о способах капитализации тела показать обоснованность и значимость понимания телесности как самостоятельной формы капитала в условиях дигитализации общества, а также предложить свой вариант видения структуры телесного капитала.

Для этого в первой части статьи мы рассмотрим то понимание телесности, которого придерживался П. Бурдьё, а именно как «инкорпорированного культурного капитала». Во второй части проанализируем и сравним два варианта развития теории П. Бурдьё, в которых в качестве его «четвертой» формы предлагается рассматривать «эротический капитал» (К. Хаким) и «телесный капитал» (Д. Хатсон). Третья часть содержит аналитический обзор концептов, обозначающих различные формы телесного капитала, среди которых наибольшей значимостью, на наш взгляд, обладают физический, эротический, гендерный и эстетический капитал. В заключительной части показано значение телесного капитала в контексте «продвинутого постиндустриального капитализма» (Иванов, Асочаков 2023: 4).

Телесный капитал в исследованиях П. Бурдьё

Одной из наиболее признанных в социальных науках концепций капитала считается теория П. Бурдьё. Исследователи единодушны во мнении, что значительное влияние на научные и политические взгляды П. Бурдьё оказал К. Маркс (Beasley-Murray 2000; Desan 2013). «Оба они отвергают иллюзорные мысли интеллектуалов и поворачиваются к логике практики — труд у Маркса, телесные практики у Бурдьё» (Буравой 2018: 58).

П. Бурдьё определял капитал как «власть над продуктом, в котором аккумулирован прошлый труд <...>, а заодно над механизмами, стремящимися утвердить производство определенной категории благ и через это — власть над доходами и прибылью» (Бурдьё 2005: 15). В зависимости от того, в рамках какого поля действует индивид, для него наибольшим значением может обладать либо экономический, либо культурный, либо социальный капитал, либо определенное сочетание всех типов капиталов.

Культурный капитал, в отличие от других форм, по П. Бурдьё, функционирует в трех состояниях — объективированном (например, в произведениях искусства), институционализированном (например, в дипломах об образовании) и инкорпорированном (*embodied*), которое и интересу-

ет нас в рамках статьи. Инкорпорированный культурный капитал существует «в форме длительных диспозиций ума и тела» (Bourdieu 1986: 243). Иными словами, помимо культурного багажа личности, этических представлений, эстетического вкуса и прочего, инкорпорированная форма культурного капитала аккумулируется в том, что в своих англоязычных публикациях П. Бурдьё называет либо *physical capital* (Bourdieu 1978: 830), либо *body capital* (Bourdieu 1984 [1979]: 206), который выражается в качествах внешности, здоровья и телесной активности индивида — размерах и формах его тела, походке, осанке, манере держаться, двигаться, говорить, физических умениях и навыках, способах потребления пищи, предпочитаемых видах спорта.

Телесный капитал, в концепции П. Бурдьё, формируется во взаимоотношениях трех переменных: социальной локации, габитуса и вкуса. В зависимости от «правил игры», которые действуют в том или ином социальном подпространстве, разные телесные формы и качества приобретают разную ценность (физическая форма ценится в поле спорта, но гораздо менее значима в поле науки). Кроме того, в зависимости от своего социального положения индивиды имеют неравные возможности как в приобретении (аккумуляции) того телесного капитала, который ценится в разных социальных полях, так и в его конвертации в силу существования разнообразных социальных барьеров вроде эффекта «стеклянного потолка» и т.п. (Shilling 2004: 477). Габитус обладает значением «инкорпорированных предрасположенностей или, можно сказать, телесной схемы, этого командного принципа, способного направлять практики одновременно неосознанным и упорядоченным образом» (цит. по: Шматко 2020: 21–22) и играет роль посредника между существующими социальными полями (с их институтами) и произвольной активностью индивида. «Бессознательность» габитуса определяется его телесной укорененностью в манерах, походке, стиле жестикуляции и мимических движений, привычках и предпочтениях в питании, гигиене, ношении одежды и пр. В свою очередь, вкус, согласно П. Бурдьё, является телесно укорененной способностью человека, представляющей собою «инкорпорированный принцип классификации, который управляет всеми формами инкорпорации, выбором и модификацией всего, что тело глотает, переваривает и ассимилирует, физиологически и психологически» (Bourdieu 1984: 190).

Как часть инкорпорированного культурного капитала телесный капитал обладает несколькими отличительными свойствами. Во-первых, он отличается тем, что не может быть передан напрямую от субъекта к субъекту. Во-вторых, он аккумулируется в сочетании генетических, психологических и социокультурных факторов: его природная основа наследуется,

его существование ограничено естественными законами старения и умирания, однако его формирование и поддержание требует подчас немалых волевых усилий (Bourdieu 1986: 245). При этом как приобретенные, так и унаследованные индивидом телесные формы и навыки могут потерять в своей капитализации, если перестанут цениться и потеряют возможность конвертации. Так, популярность того или иного вида спорта может меняться в зависимости от зарплат профессиональных спортсменов, объемов теле- и интернет-трансляций соревнований. Изменения в поле моды, волны популярности киногероев, звезд шоу-бизнеса и прочих медиаперсон, могут влиять на символическую ценность полноты или худобы, походки, длины и цвета волос, манеры одеваться (Bourdieu 1984 [1979]).

Телесный капитал содержит символическую составляющую в обоих вариантах, в которых понимает ее П. Бурдьё. Так, победители и победительницы соревнований, всевозможных конкурсов красоты обладают «объективированным» символическим капиталом, т.е. официально закрепленным в виде титула. «Диффузным» символическим капиталом, т.е. «основанным на одном только коллективном признании» (Бурдьё 2005: 239), обладают, например, те, чья привлекательность основана на различии в их телесном облике и поведении символов определенного стиля, напоминающего об их принадлежности к престижной или авторитетной социальной группе. «Неузнанно-признанная»¹ (Бурдьё 2001: 239) символическая природа телесного капитала, по-видимому, проявляется в том, что возникновение доверия к его обладателю зависит от того, в какой мере возникает, в терминах И. Гоффмана, вера в «искренность постановки», т.е. отсутствие ощущения, что невербальные элементы, формирующие внешность и поведение, используются с «тайным» умыслом получить выгоду.

Как отмечено выше, исследователи, занятые изучением телесности, демонстрируют сегодня бурный интерес к идее телесного капитала П. Бурдьё. Обилие новых концептов, развивающих его модель, говорит, с одной стороны, о прозорливости знаменитого француза, а с другой — о неудовлетворенности его теорией с точки зрения ее объяснительных возможностей в отношении телесности современного человека. Точкой преткновения служит положение о том, что тело тесным образом связано с репрезентацией классового положения своего обладателя (Bourdieu 1978; 1984). П. Бурдьё в целом исходил из того, что принадлежность к тому или

¹ Символическим капиталом, согласно одной из интерпретаций П. Бурдьё, является любая форма капитала, который «добивается своего признания ценой преобразования, которое делает неузнаваемым настоящий принцип его функционирования» (Бурдьё 2002: 230, 248).

иному социальному классу оказывает глубокое воздействие на способы, которыми люди развивают свое тело, на символическое значение, которое связывается с отдельным физическим свойством тела, а также на возможности конвертации в другие виды капиталов (Bourdieu 1978; 1984). В этой модели тело является сугубо подчиненным образованием, выполняя функцию классового «дисплея».

Несмотря на то что этот тезис имеет своих сторонников и находит подтверждения в эмпирических исследованиях (см., например: Ваньке 2012), все большую популярность сегодня обретает позиция, согласно которой бурдьезианский концепт инкорпорированного культурного капитала в современных реалиях в полной мере «не может объяснить весь спектр ценностей, приписываемых телу» (Hutson 2012: 33).

Дискуссия о «четвертой» форме капитала

По вопросу о том, достаточно ли понимать телесный капитал в том смысле, который вкладывал в него П. Бурдьё, или нет, среди исследователей развернулась заочная дискуссия. Одни из них (см., например: Wacquant 1995; Mears 2015), полностью разделяют идею подчиненности телесного капитала культурному. В работах других авторов, например К. Шиллинга, утверждается, что «физический капитал слишком важен, чтобы рассматриваться как просто компонент культурного капитала» (Shilling 1991: 654), и что «развитие и управление телом является само по себе центральным для деятельности человека в целом и для создания экономического капитала, и достижения и поддержания статуса» (Shilling 1992: 3).

Сам П. Бурдьё не стремился обсуждать телесность помимо ее способности выражать культуру класса, к которому принадлежит ее обладатель. Его интересовало то, как с помощью тела сознательно и бессознательно проявляются классовые различия (Bourdieu 1984 [1979]). Однако за те примерно полвека с тех пор как П. Бурдьё проводил свои исследования на материале французского общества, во многих странах мира социальное положение перестало быть главенствующей детерминантой внешности, манер поведения, практик заботы о теле и пр. (Hutson 2012). Телесный облик и телесные способности стали гораздо более свободно достигаемыми аспектами идентичности, в том числе благодаря развитию биомедицинских технологий и пластической хирургии, а также цифровизации знаний о поддержании физического здоровья и пр.

Американский исследователь Д. Хатсон теоретически и эмпирически обосновывает тезис о том, что сегодня «телесность не есть простое выражение культуры класса» (Hutson 2012: 50) и утверждает, что существует несколько причин, по которым концепт «телесно воплощенного культур-

ного капитала» сильно ограничен в объяснении того, как функционирует телесность в современных обществах. Одна из них состоит в том, что подход П. Бурдьё слабо объясняет существование «кросс-классовых» вкусов, поскольку если предположить, что телесность является лишь результатом классовой позиции, то индивиды не должны следовать тем телесным стандартам и идеалам, которые приняты в других классах, что на самом деле происходит, например, в рамках процессов опережающей социализации, проанализированных Р. Мертоном.

Кроме того, поскольку П. Бурдьё понимал телесность как форму культурного капитала, «но почти не исследовал ее потенциал в трансформации экономической, социальной и культурной ситуации индивидов» (Hutson 2012: 45), то его подход только частично позволяет концептуализировать конвертацию телесного капитала в иные ресурсы. Между тем сегодня это типичным образом происходит в случае, например, спортсменов, персональных фитнес-тренеров или моделей, капитализирующих свое тело в качестве источника привлекательных образов как в реальном, так и в виртуальном пространстве взаимодействия. Для них тело с его сформированными свойствами является и способом заработка, и способом приобретения социальных связей и дипломов, завоевания титулов и званий, и признаком принадлежности к престижной социальной общности и пр.

Согласно Д. Хатсону, телесность в современном ее понимании должна рассматриваться как самостоятельная форма капитала наряду с тремя остальными именно потому, что она сама по себе обладает «трансформирующей силой» (Hutson 2012: 50), позволяющей создавать, поддерживать или преодолевать отношения неравенства. Стремясь дополнить классификацию П. Бурдьё, Д. Хатсона делает вывод, что телесный капитал¹ может претендовать на место четвертой формы капитала, и определяет его как «ценность, приписываемая конкретным способам телесного воплощения, использования тела, интерпретаций тела, которые могут быть присвоены, обменены или реинвестированы для получения дополнительной прибыли или статуса» (Hutson 2012: 50).

Своеобразной альтернативой этой идее является концепция К. Хаким, состоящая в том, чтобы рассматривать «эротический капитал как четвер-

¹ Д. Хатсон, как и П. Бурдьё, использует в данном контексте словосочетание *physical capital*. Мы не стремимся следовать за ними, поскольку этот термин давно занят экономической наукой для обозначения капитала, «воплощенного в орудиях, машинах и другом производственном оборудовании» (см., например: Coleman 1988: 100).

тый персональный актив, важное дополнение к экономическому, культурному и социальному капиталу» (Наким 2010: 499). Эротический капитал, согласно К. Хаким, есть «многосоставная комбинация физической и социальной привлекательности» (Наким 2012: 28), содержащая шесть весьма разноплановых компонентов, среди которых красота, эротическая привлекательность, энергичность, навыки социального взаимодействия, социальная презентация (стиль одежды, макияж, украшения, парфюм и пр.), и сексуальность как таковая (качества хорошего любовника) (Наким 2010). В своей книге К. Хаким формулирует «новый манифест для женщин» (Наким 2011: 200), в котором эротический капитал позиционируется как женская «козырная карта», т.е. ресурс, с помощью которого женщины могут и даже обязаны компенсировать ситуацию глубокого неравенства, в которой они, по мнению автора, продолжают находиться. Эта возможность открывается по той причине, что в целом мужчины (в отличие от женщин) начиная с достижения возраста половой зрелости и до преклонных лет являются, по мнению К. Хаким, существами, испытывающими дефицит в реализации сексуальной потребности.

Концепция К. Хаким, несмотря на известность, имеет значительные изъяны (Green 2013). Первая проблема заключается в том, что, стремясь усовершенствовать предложенный ранее (Martin, George 2006; Green 2008) концепт эротического капитала, К. Хаким предлагает трактовать его в расширительном ключе, включив в него элементы, связанные с сексуальностью достаточно отдаленно, такие как личностные черты или навыки коммуникации. Однако, заявив это, на деле К. Хаким определенно редуцирует эротический капитал в основном к двум из шести его заявленных элементов — телесной красоте и сексуальной привлекательности. Ярким примером этому служит обсуждение способов аккумуляции эротического капитала, среди которых К. Хаким не упоминает что-либо связанное с улучшением личностных или коммуникативных качеств, а акцентирует внимание на «бодимодификациях и практиках [создания] красоты» (Наким 2011: 28).

Вторая проблема заключается в том, что концепция К. Хаким базируется на достаточно произвольно отобранных посылах, близких к обманчиво очевидным суждениям на уровне здравого смысла. Не обращая странном образом внимания на разнообразие сексуальных и ценностных ориентаций современных женщин и мужчин, К. Хаким представляет модель, которая, как пишет А. Грин, является «не многим более чем компиляцией исследований и анекдотических виньеток о том, как гетеросексуальная мужская безответная похоть... может быть использована сексуальными женщинами для своей выгоды» (Green 2013: 147).

Третьим, быть может наиболее важным, недостатком является то, что, хотя внешне К. Хаким выражает стремление дополнить бурдьезианскую теорию капитала, на самом деле она работает в рамках парадигмы человеческого капитала, имеющей не социологические, а экономические корни (Becker 1994). Подход, развиваемый К. Хаким, по сути асоциологичен, поскольку ничего не дает социологии для понимания властных отношений и структуры общества (Green 2013). Игнорируется то обстоятельство, что социальные поля, в которых индивиды оказываются в поисках материальных или символических выгод, чаще всего являются заранее иерархически структурированными, что нередко предопределяет ситуацию, в которой непосредственный обладатель эротического (или, шире, телесного) капитала, не является его истинным владельцем или конечным бенефициаром прибылей, которые он порождает.

Эта тема весьма красноречиво раскрыта в исследовании А. Мирс, объектом которого стали «женщины с высоко ценимым телесным капиталом — girls, обслуживающие новую мировую элиту на международных VIP-вечеринках» (Mears 2015: 22). В то время как состоятельные мужчины в сопровождении girls значительно снижают «риск потерять лицо в гетеронормативных условиях ведения бизнеса» (Mears 2015: 30), приобретая дополнительные преимущества для установления эксклюзивных бизнес-знакомств, сами девушки не способны капитализировать (кроме как чисто экономическим образом) свой girl capital с помощью сопровождения VIP-персон «именно потому, что использование своего телесного капитала снабжает их обесцененной социальной идентичностью» (Mears 2015: 23). Находясь в поле VIP-вечеринок мужчины ценят в присутствующих там девушках исключительно свойства их тела и за редкими исключениями не стремятся устанавливать с ними романтические отношения в силу их «подозрительной» репутации.

В этом плане идея Д. Хатсона выглядит гораздо менее уязвимой, во-первых, потому что он не претендует на значительное переопределение терминов, введенных до него. Во-вторых, он не стремится под телесностью объединить человеческие свойства, напрямую не связанные с ней, как это делает К. Хаким с эротичностью. В-третьих, Д. Хатсон, по сути, не отворачивается от социологической теории капитала П. Бурдьё, а лишь указывает на ее недостаточность с точки зрения понимания значения телесности для функционирования систем неравенства в современных обществах.

Однако мы полагаем, что модель Д. Хатсона нуждается в корректировке. Во-первых, на фоне бурной теоретизации в области выявления различных форм неэкономических капиталов (Вартанова, Гладкова 2020), сложно говорить о том, каким по счету является телесный капитал после

классической триады, обозначенной П. Бурдьё. Достаточно указать на то, что эта форма в современных обществах становится самостоятельной.

Во-вторых, нам представляется недостаточным способ, которым Д. Хатсон видит решение проблемы множественности концептов, обозначающих различные формы капитализации телесности (в том числе такие экзотичные варианты, как *girl capital* /Mears 2015/ или *pugilistic capital* /Wacquant 1995/), некоторые из которых (такие как «эротический капитал» /Hakim 2010/) претендуют на лидирующую роль в ущерб остальным. Согласно его идее, телесный капитал как понятие призвано стать «зонтичным» термином (Hutson 2012: 50), охватывающим разнообразные формы капиталов, связанных с телесностью. По мнению Д. Хатсона, такой подход позволяет рассматривать известные телесно-связанные формы капиталов в качестве «равноправных» и «в то же время сохраняет открытость новым типам телесного капитала, которые появятся в будущем» (Hutson 2012: 51).

Идея, которой мы предлагаем скорректировать модель Д. Хатсона, заключается в том, чтобы не просто объединить под рубрикой «телесный капитал» все известные и будущие виды капиталов, связанные с телом, поставив их в равное положение. Некоторые из них, как, например, «боксерский капитал» Л. Вакана, весьма специфичны. Вместо этого мы считаем, что необходимо определить набор компонентов телесного капитала, которые могут быть релевантными совершенно разным областям телесных практик и в то же время до конца несводимыми друг к другу. В этом качестве, на наш взгляд, выступают физический, сексуальный/эротический, гендерный и эстетический капитал, описание которых мы проведем в следующем параграфе.

Формы телесного капитала

Физический капитал связывается «с состоянием здоровья, уровнем работоспособности хозяйственных агентов, а также их внешними физическими данными, которые могут использоваться для мобилизации других видов ресурсов» (Радаев 2002: 24). Иными словами, физический капитал — это совокупность объективно наблюдаемых физических свойств организма, позволяющих получать те и ли иные выгоды, чаще всего в своем прямом применении, реже с помощью своего символического значения.

Яркие примеры функционирования физического капитала можно встретить в особых профессиональных областях, таких как спорт или индустрия моды. Так, Л. Вакан рассматривает боксеров «как обладателей и даже антрепренеров физического капитала определенного рода» (Wacquant 1995: 66). Фактически то, чем боксеры занимаются на тренировках, можно считать деятельностью, с помощью которой спортсмены

производят из своего тела специализированный «боксерский капитал», который после успешных выступлений на ринге способен конвертироваться в признание, титулы и соответствующие гонорары. Л. Вакан справедливо указывает на то, что «телесный капитал» (*bodily capital*) тесно связан с «телесной работой»¹ (*body work*), которая «состоит в высокоинтенсивной и точно регулируемой манипуляции организмом, цель которой состоит в том, чтобы закрепить в телесной схеме... позы, паттерны движений и субъективные эмоционально-когнитивные состояния» (Wasquant 1995: 73). По наблюдениям других исследователей, необходимость тщательно следить за собственным весом и пропорциями, состоянием здоровья, физическим тонусом характерна не только для профессиональных бойцов, но и для профессиональных моделей (Mears, Finlay 2005). Достаточно хотя бы немного отклониться от границ принятого в модном бизнесе диапазона веса, пропорций тела и возраста, как модель резко теряет шансы на продолжение карьеры. Управление телесным капиталом моделей включает поддержание привлекательного внешнего вида и телесных кондиций на фоне процессов взросления и набора веса.

Исследователи фиксируют высокую значимость работы над собственным телом не только в профессиональной, но и в повседневной жизни современного человека. Особенное значение это имеет для женщин, которые, посещая салоны красоты, занимаясь аэробикой, прибегая к услугам косметических хирургов, на самом деле работают не столько над собственным телом, сколько над восприятием самих себя, стремясь снизить «давление мифа о красоте» (Gimlin 2002: 47).

Символическое значение физических данных отчетливо проявляется в массовой визуальной культуре. Так, выявлены значимые отличия телесной конституции у персонажей музыкальных клипов, которых по внешним маркерам можно отнести к разным слоям российского и британского общества (Pivovarov, Tkachuk 2021), что также косвенно подтверждает идею П. Бурдьё о «классовой» природе телесного капитала.

*Сексуальный/эротический капитал*² приверженцами бурдьезианской традиции (Martin, George 2006; Green 2008; Illouz 2012)³ понимается как

¹ Л. Вакан не скрывает родство этого термина с понятием «эмоциональной работы» А. Хохшильд (2019 [1985]).

² Дж. Мартин и М. Джордж (2006) используют термин «сексуальный капитал», А. Грин (2008) — «эротический капитал», однако разница между ними достаточно условна, что позволили Е. Иллуз (2012) писать эти понятия через косую черту.

³ Иное понимание сексуального капитала первоначально сформулировано в рамках теории человеческого капитала (Michael 2004).

основной актив в поле сексуальности, определяемый как относительно замкнутая и автономная подсистема социальных отношений, «в которых сексуальное желание становится автономизированным, сексуальная конкуренция — обобщенной, а сексуальная привлекательность превращается в самостоятельный критерий выбора партнеров и выстраивания их иерархий» (Illouz 2012: 54). Поле сексуальности распадается на субполя, в каждом из которых действует своя «валюта эротического капитала» (Green 2008: 25). Существование этих «валют» подчеркивает вариативность и историчность предпочтений, формирующих отличия «специализированных эротических миров, которые обслуживают множество желаний, практик и тел» (Green 2008: 25). Современная «автономизация сексуального желания создает “социальное пространство”..., предназначенное для организации романтических/сексуальных встреч и стратифицированное в соответствии с логикой потребительских вкусов и ниш» (Illouz 2012: 55). В рамках этого подхода сексуальный/эротический капитал определяется как «качество и количество свойств индивида, присущих одной личности, которые вызывают эротический отклик у другой» (Green 2008: 29).

Согласно Е. Иллуз, сексуальный/эротический капитал функционирует в двух идеальных разновидностях, коррелирующих с разными гендерными стратегиями. В своей самой простой форме его накопление проявляется в количестве и разнообразии сексуальных партнеров. Этот опыт самоценен для его носителя, будучи связанным с его самооценкой, чувством гордости и даже самореализацией, но также может быть конвертирован в признание, вроде получения неформального статуса «Дон Жуана» и т.п. «Эта серийная сексуальная стратегия была принята и женщинами, но культурно и исторически как имитация поведения мужчин» (Illouz 2012: 57). Вторая форма эротического капитала в большей степени отражает «женскую» стратегию поведения в поле сексуальности. Е. Иллуз называет ее «исключающей», указывая на то, что способом накопления эротического капитала в данном случае служит не количественный перебор партнеров, а качественный подбор себе пары. В этой области, подчеркивает исследовательница, особенно для женщин эротический капитал имеет наиболее ощутимые результаты и выгоды, поскольку брачный рынок во все времена представлял им возможности получить социальный статус и богатство в не меньшей степени, чем рынок труда. Отличие в этом плане современных обществ от обществ прошлого состоит в том, что «сегодняшняя социальная структура и медиакультура облегчают преобразование эротического капитала в социальный капитал» (Illouz 2012: 57).

Понятие *гендерного капитала* призвано показать влияние социального контекста на относительную ценность гендерных самопрезентаций (Bridges 2009). Выше мы могли убедиться, что гендерная идентификация прямо или косвенно влияет на стратегии накопления и конвертации и других форм телесного капитала. Однако Т. Бриджес предлагает понимать гендерный капитал как отдельную категорию, которая «относится к доступным в данном контексте знаниям, ресурсам и аспектам личности, которые обеспечивают доступ к гендерным идентичностям, специфичным для [гендерного] режима» (Bridges 2009: 92). Тело, не являясь единственной составляющей гендерного капитала, рассматривается автором как «интегральная часть социального конструирования гендера» (Bridges 2009: 92). Гендерный капитал индивида тем выше, чем больше его наружность, манера поведения, формы активности, имеющиеся ресурсы и прочие атрибуты ассоциируются с доминирующими в рамках определенного социокультурного поля типом мужского, женского и иных разновидностей гендера.

Некоторые виды гендерного капитала сохраняют свою ценность на самых разных сценах социальной жизни. Однако существует немало случаев, когда гендерный капитал значительно варьируется в зависимости от специфичного «гендерного режима», т.е. локального набора договоренностей взаимодействия и предпочтений, касающихся гендера. Если провести сравнение бодибилдеров и бизнесменов международного уровня, то первые, находясь в фитнес-зале, ощущают высокий уровень своей маскулинности и соответственно гендерной капитализации, тогда как за пределами этого зала они далеко не всегда чувствуют себя столь же уверенно. Напротив, вторые обладают высоким уровнем маскулинности в большинстве социальных контекстов. «Но все же важно признать, что в тренажерном зале для бодибилдинга многие транснациональные бизнесмены могут ощущать себя недостаточно мужественными» (Bridges 2009: 91).

Особенности внешности и поведения, являющиеся компонентами гендерного капитала, сильно меняют свое значение на протяжении истории и в зависимости от социокультурного поля. «Длинные волосы были признаком благородства среди мужчин, когда их носил Бенджамин Франклин, и, хотя современные рок-музыканты, возможно, сохранили способность использовать длинные волосы в качестве «мужского» гендерного капитала, немногие современные политики способны делать то же самое» (Bridges 2009: 93).

Понятие *эстетического капитала* было предложено группой американских исследователей (Anderson et al. 2010), обосновывающих идею

о том, что эстетические аспекты телесности¹ недостаточно точно идентифицируются в исследованиях культурного капитала, который, по их мнению, превратился в довольно аморфный термин (Anderson et al. 2010: 568). Основой послужил анализ двух сотен статей в научных рецензируемых журналах первого десятилетия XXI в., авторы которых в том или ином виде задавались вопросом о том, как эстетические свойства телесности индивидов связаны с каким-либо положительными или отрицательными последствиями для них. Эстетический капитал понимается как совокупность черт внешности, которые внутри какого-либо социального поля считаются красивыми и воспринимаются как активы, способные приносить прибыли. Эти активы включают особенности лица, волос, телосложения, одежды, макияжа, татуировок и аксессуаров и, как показывает проведенный анализ публикаций, являются маркерами социальных отличий и вносят свой вклад в приобретение привилегий и богатства (Anderson et al. 2010: 566, 572). Безусловно, стандарты красоты и привлекательности не обладают универсальностью, а, напротив, вариативны и культурно относительно. Существуют значимые отличия в представлениях людей о красоте, а вытекающие из них эстетические нормы формируются властными отношениями внутри того или иного поля (Holla, Kuipers 2016).

Помимо социально сконструированных стандартов красоты, значение эстетического капитала формируется в зависимости от степени важности, которая придается красоте и внешнему виду в данном обществе. Усиление процессов индивидуализации в условиях «поздней модерности» (Э. Гидденс, У. Бек) повышает ценность внешнего облика людей с точки зрения как самоидентификации, так и профессионального успеха в самых разных областях. «В постиндустриальных экономиках эстетический капитал — это не только личное достояние, но и профессиональная квалификация: важнейшая компетенция, необходимая для функционирования на рынке труда» (Halla, Kuipers 2016: 11).

Красота, или эстетический капитал, аккумулируется комбинацией унаследованных свойств, уходом за внешностью и ее «моделированием» (например, в салонах красоты, СПА-центрах или с помощью косметической хирургии), производящимися, с одной стороны, в соответствии с доступными средствами, а с другой — в соответствии со вкусовыми предпочтениями, специфичными для той группы, с которой себя иденти-

¹ Под эстетикой телесности в данном случае понимаются те ее характеристики, которые определяются оппозицией «прекрасное — безобразное» и воспринимаются преимущественно зрительно.

фицирует индивид. При этом моделирование внешности используется и как маркер социального положения, и как способ бросить вызов сложившимся иерархиям (Hallo, Kuipers 2016: 10).

Концепция эстетического капитала, например, актуальна для понимания особенностей работы сотрудников, занятых в таких «интерактивных» областях, как ритейл и гостиничный бизнес, в которых эстетическая составляющая имеет важное значения с точки зрения конкурентоспособности предприятий, предоставляющих типовые товары и услуги. Эстетическое оформление компетенций (достигаемое путем «эстетического труда») сотрудников нацелено на то, чтобы с помощью приятной, гендерно дифференцированной внешности, поведения, голоса и речи повлиять на поведение покупателей и клиентов (Warhurst et al. 2000; Warhurst, Nickson 2007).

Согласно П. Бурдье, конститутивными свойствами любого капитала является кумулятивность и конвертируемость (Ignatow, Robinson 2017: 952). *Аккумуляция* телесного капитала осуществляется с помощью различных форм «телесной работы», «эстетического труда», бодимодификаций, «покупки красоты» (Anderson et al. 2010: 565) и прочих «нарциссических вложений» (Бодрийяр 2006: 127) разнообразных ресурсов в свойства внешности и здоровья. Проанализированные четыре формы телесного капитала — физическая, эротическая, гендерная и эстетическая — при наличии существенных «областей пересечения» между ними можно рассматривать как самостоятельные вектора его аккумуляции.

Конвертация телесного капитала осуществляется на двух уровнях. Во-первых, это конвертация врожденных и приобретенных свойств тела в иные формы капитала: экономического, культурного, социального. Во-вторых, процессы конвертации происходят между формами самого телесного капитала. Так, физический капитал как те или иные объективные свойства тела может приобретать форму эротического, гендерного или эстетического капитала в зависимости от социального поля (субполя), где разворачивается борьба за доминирование и в котором те или иные характеристики тела приобретают дополнительные символические значения. Например, конвертация физического капитала в эротический происходит тогда, когда работа над телом и подчеркивание физических особенностей «вызывает эротический отклик» и способствует успешному поиску потенциальных сексуальных партнеров.

Диалектика капитализации телесности

Вспомним еще одно определение, ставшее «на долгие годы марксистским фетишем: капитал — негуманное социальное отношение («эксплуа-

тация труда»)» (Иванов 2014: 128). Любой капитал связан с отчуждением качеств и атрибутов человека, в той или иной степени превращая его из субъекта в объект своего воздействия и интереса.

Герои публикаций, которых мы анализировали в статье, — модели, спортсмены, сотрудники, занятые в области гостиничного бизнеса и розничной торговли, занимаясь своей профессиональной деятельностью, осуществляют «телесный труд» (в том числе физический и эстетический). При этом, несмотря на очевидные выгоды, которое приносят индивиду свойства его тела в различных социальных полях, на самом деле реальные возможности конвертации телесного капитала для самих его носителей значительно ограничены, в то время как истинными владельцами и бенефициарами привлекательных, здоровых и умелых тел нередко оказываются представители групп, стоящих на более высоких ступенях социальной иерархии. «Телесность наемного работника присваивается, преобразуется и затем управляется работодателями в коммерческих целях (или по крайней мере работодатели пытаются это делать)» (Warhurst, Nickson 2007: 107).

В некоторых благоприятных случаях обладатель телесного капитала может из класса наемных работников стать участником условно того класса, который в политической экономии назывался «мелкой буржуазией». Его представители соединяют обладание средствами производства с необходимостью работать с их помощью. Подобное социальное положение занимают, например, фитнес-тренеры (Hutson 2012; 2016), предлагающие услуги персональных тренировок и консультаций по поддержанию физического здоровья. Сегодня к ним присоединилась многочисленная армия «зож-блогеров», наводнившая видео-хостинги бесчисленным множеством роликов, в которых разными способами демонстрируются ухоженные, молодые, здоровые и спортивные тела. Их рельефная мускулатура, грациозная походка и пластика, элегантная внешность, физические возможности, физиологические показатели и т.д. играют демонстрационную роль, передавая своим аудиториям сообщения, которые кратко можно свести к фразе «делай как я, и будешь похож на меня».

Практики телесной капитализации в современном гибридном «киберфизическом» обществе, какой бы уровень экономической (не)зависимости они бы ни обеспечивали, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве способа противостояния процессам цифровизации, которая сегодня вплотную приблизилась к телу каждого человека, а в отдельных случаях проникла и внутрь него. Например, технологии «бодинета» предполагают возможность вживления во внутренние органы электронных

устройств, передающих данные в Сеть. На это способны современные кардиостимуляторы или микродатчики, фиксирующие изменения уровня сахара в крови и иные показатели (Деревянченко, Калинин 2019). Электронные браслеты, выполняющие функции нательных соединенных со смартфонами датчиков физиологической активности, стали привычным элементом повседневных практик селф-трекинга (Богомякова и др.; Давыдова и др.). Подобные тенденции киборгизации тела выводят на передний план проблемы персональной идентичности, новой уязвимости («инвалидизации») и аутентичности совершаемых действий (Емелин 2017: 37).

Между тем тело всегда являлось, по мнению психологов и философов феноменологическо-экзистенциалистского направления (К. Роджерс; М. Мерло-Понти, Г. Марсель), интегративным центром персональной определенности, «якорем, закрепляющим нас в мире, и одновременно способом нашего обладания миром» (Вдовина 1997: 62). Непосредственный организмический опыт проживания событий, ситуаций и поступков является основой поддержания чувства самости и агентности в мире. Цифровизация способна нарушить эти механизмы, обладая потенциалом отчуждения индивида и превращения его в «отчужденного субъекта компьютерного капитализма» (Иванов 2020: 7). Размывая границу между реальным и воображаемым, возможным и невозможным, ценностным и суррогатным, «киберпространство создает особое, внетелесное, виртуальное “Я”», обладающее для его создателя, возможно, большей привлекательностью, чем его «реальное, экзистирующее, персональное “Я”» (Тягунов и др. 2012: 22), которое по своей сути неотделимо от телесного бытия (Кузнецов 1970: 238).

Исследователи фиксируют возникновение новых форм отчуждения под давлением процессов алгоритмизации. Вопреки распространенному технократическому энтузиазму, искусственный интеллект сегодняшнего уровня развития оценивается как «отчужденное бытие заурядного разума» (Иванов, Асочаков 2023: 10). В Сети идет ежесекундная борьба за удержание внимания пользователей и отчуждения его в виде коммуникативного продукта — данных о пользовательской активности, аффинитивности, о потребительских предпочтениях (Декалов 2017: 400–401). Технологии селф-трекинга вызывают у пользователей противоречивые чувства, связанные с очевидностью усиления надзирающего контроля над проявлениями жизни их организма (Давыдова 2021; Богомякова, Дупак 2021).

Внимание к телесности, даже в редуцированной форме накопления и конвертации телесного капитала, не позволяет индивидам полностью

уходить в мир виртуальности, оставляя «открытым» канал связи индивида с миром действительности. Физическое, гендерное, эротическое и эстетическое измерение телесной капитализации задают направления поиска «точек доступа к реальности». В их качестве, например, могут выступать публичные креативные пространства, где люди, пресыщенные цифровыми образами и опосредованными коммуникациями, «находят возможность подвижного досуга, живого общения, получения знания “из первых рук” от популярных лекторов и на мастер-классах по изготовлению вещей своими руками, а также гастрономического опыта на грани экзотической кухни и стрит-фуда» (Иванов 2020: 51). Популярность коворкингов, интерактивных выставок, танцевальных студий, веревочных парков, игровых пространств и прочего объясняется тем, что в эпоху поствиртуализации «ценностью становится физическое присутствие, тактильность, “аналоговый” опыт в противовес “цифровой” трансформации, аутентичность насыщенной жизни в противовес виртуальности имиджей и медийных репрезентаций» (Иванов, Асочаков 2023: 10–11).

Представленная в статье теория телесного капитала является концептуальным противовесом теории цифрового капитала (Ragned, Ruiu 2020; Вартанова 2021), стремление к накоплению которого вовлекает индивидов в заманчивую гонку вооруженности навыками и умениями использования инструментов виртуальной реальности. Людям цифровой эпохи не стоит забывать, что новомодная борьба за преодоление цифрового разрыва и цифрового неравенства (Добринская, Мартыненко 2020) не отменяет существовавшее всю историю человечества неравенство телесное. Сегодня оно становится гораздо более проявленным благодаря цифровым медиа и гораздо сильнее влияющим на то, что Макс Вебер называл индивидуальными жизненными шансами, благодаря социокультурным трансформациям, кардинально изменившим отношение человека к собственному телу (Тернер 1994).

Поворот к телесности не способен отменить виртуальность, а должен лишь уравновесить и гармонизировать взаимовлияние цифровой и физической сфер гибридной реальности продвинутого постиндустриального общества.

Мы уже отмечали, что телесный капитал, как и любая форма капитала, не может быть полностью лишен потенциала отчуждения, однако внимание к физическим и эстетическим качествам тела, а также корпоральным маркерам гендерной и сексуальной идентичности, даже с точки зрения их капитализации, становится в эпоху поствиртуализации формой стихийного сопротивления диктату алгоритмической рациональности (Иванов, Асочаков 2023: 10).

Представители критической теории учат нас, что «диалектика — это опережающее движение за пределы обыденной реальности, а не просто фиксация “амбивалентности”, противоречивости реальности» (Иванов, Асочаков 2023: 13). Тело человека всегда было, есть и будет источником креативности (Йоас 2005) и непредсказуемости (Мид 2009: 166–167) как для самого действующего субъекта, так и для внешнего наблюдателя. В этом смысле логика «физического интеллекта» (Дейл, Пейтон 2020) всегда будет противостоять логике искусственного интеллекта, потому что его активность компьютерная программа просчитать до конца не способна. Творческая энергия, коренящаяся в наполненных жизнью телах, противостоит обыденности цифровых алгоритмов. Тело и капитал объединены общим свойством: мы никогда не знаем, какими возможностями они воспользуются, чтобы утвердить, продлить и распространить собственное существование.

Литература

- Ваньке А. (2012) Телесный капитал мужчин рабочих профессий и офисных служащих. Ясин Е.Г. (ред.). *XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Т. 3: 113–122.
- Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. (2020) Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов. *Медиаскоп*. Вып. 1 [<http://www.mediascope.ru/2614>] (дата обращения: 31.01.2024).
- Веселов Ю.В. (2011) *Доверие и справедливость*. М.: Аспект-Пресс.
- Богомягкова Е.С., Дупак А.А. (2021) Цифровой селф-трекинг здоровья в дискурсе социальных наук. *Социология науки и технологий*, 12(2): 155–174.
- Буравой М. (2018) Нищета философии. Маркс встречается с Бурдые. *Социологические исследования*, 5: 56–73.
- Бурдые П. (2001) *Практический смысл*. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя.
- Бурдые П. (2005) *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя.
- Вартанова Е. (2021) Цифровой капитал как гибридный капитал: к вопросу о новых концепциях медиаисследований. *Медиаальманах*, 4: 8–19.
- Вдовина И.С. (1997) Морис Мерло-Понти: интерсубъективность и понятие феномена. *История философии*, 1: 59–70.
- Гайденко П. (2000) *История новоевропейской философии в ее связи с наукой*. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга.
- Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К. (2021) Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 217–240.

Дейл К., Пейтон П. (2020) Физический интеллект. Как слышать свое тело и управлять своими эмоциями. М.: Альпина Паблишер.

Декалов В.В. (2017) Коммуникативный капитал: концептуализация понятия. *Вестник СПбГУ. Социология*, 10(4): 397–409.

Деревянченко А. А., Калинин Д. В. (2019) Цифровое общество: новые возможности и старые угрозы. *Научные труды Московского гуманитарного университета*, 6 [<http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1093>] (дата обращения: 31.01.2024).

Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. (2020) Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв»). *Социологические исследования*, 10: 158–164.

Емелин В.А. (2017) Философско-методологический анализ трансформации идентичности человека в условиях развития технологий информационного общества. Автореф. дис. ... д-ра филос. н.

Иванов Д.В. (2014) Концепции капитала от Карла Маркса до Марка Цукерберга. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 12(1):126–134.

Иванов Д.В. (2020) Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации. *Социологические исследования*, 5: 44–55.

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. (2023) Цифровизация и критическая теория общества. *Социологические исследования*, 6: 3–15.

Йоас Х. (2005) Креативность действия: пер. с нем. СПб.: Алетейя.

Кузнецов В.Н. (1970) Христианский экзистенциализм Г. Марселя. *Французская буржуазная философия XX века*. М.: Мысль: 232–245.

Мид Дж. (2009) Избранное. Сб. переводов. М.: РАН ИНИОН.

Радаев В.В. (2002) Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Экономическая социология*, 3(4): 20–32.

Тернер Б. (1994 [1991]) Современные направления развития теории тела. Пер. с англ. О. Оберемко. *THESIS*, 6: 137–167.

Тягунов А.А., Евстифеева Е.А., Макаров А.В. (2012) Трансформация телесного в технологиях принуждения. *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*, 3: 17–26.

Шматко Н.А. (2003) Анализ культурного производства Пьера Бурдьё. *Социологические исследования*, 8: 113–120.

Шматко Н.А. (2020) Горизонты соционализа. Шматко Н.А. (ред.) *Соционализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН*. СПб.: Алетейя: 13–46.

Anderson T. L., Grunert C., Katz A., Lovascio S. (2010) Aesthetic Capital: A Research Review on Beauty Perks and Penalties. *Sociology Compass*, 4(8): 564–575.

Andreoni J., Petrie R. (2008) Beauty, gender and stereotypes: Evidence from laboratory experiments. *Journal of Economic Psychology*, 29(1): 73–93.

Beasley-Murray J. (2000) Value and Capital in Bourdieu and Marx. In: Brown N., Szeman I. (eds.) *Pierre Bourdieu. Fieldwork in Culture*. Oxford: Roman & Littlefield Publishers: 100–119.

Becker G. (1993 [1964]) *Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education*. Third edition. Chicago: The University of Chicago Press.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N.Y.: Greenwood Press: 241–258.

Bourdieu P. (1978) Sport and social class. *Social Science Information*, 17: 819–40.

Bourdieu P. (1984 [1979]) *Distinction. A social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Bridges T.S. (2009) Gender Capital and Male Bodybuilders. *Body & Society*, 15(1): 83–107.

Coleman J.S. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94: 95–120.

Desan M.H. (2013) Bourdieu, Marx, and Capital: A Critique of the Extension Model. *Sociological Theory*, 31(4): 318–342.

Gimlin D.L. (2002) *Body work: beauty and self-image in American culture*. Berkeley; Los Angeles, California: University of California Press.

Green A. (2008) The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach. *Sociological Theory*, 26(1): 25–50.

Green A. (2013) 'Erotic capital' and the power of desirability: Why 'honey money' is a bad collective strategy for remedying gender inequality. *Sexualities*, 16: 137–158.

Hakim C. (2010) Erotic capital. *European Sociological Review*, 26(5): 499–518.

Hakim C. (2012) Erotic capital, sexual pleasure and sexual markets. In: *Pleasure and Health by education, counselling and treatment*. Proceedings of NACS 2012 conference in Helsinki. Ed. by Osmo Kontulapp. The Finnish Association for Sexology: 27–44.

Holla S., Kuipers G. (2016) Aesthetic capital. In: Hanquinet L., Savage M. (eds.) *Routledge International Handbook for the Sociology of Art and Culture*. London: Routledge: 290–304.

Hutson D. (2012) *Training bodies, building status: Health, physical capital, and the negotiation of difference in the U.S. Fitness Industry*. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of Michigan.

Hutson D. (2013) Your body is your business card: Bodily capital and health authority in the fitness industry. *Social Science & Medicine*, 90: 63–71.

Hutson D. (2016) Training Bodies, Building Status: Negotiating Gender and Age Differences in the U.S. Fitness Industry. *Qual. Sociol.*, 39: 49–70.

Ignatow G., Robinson L. (2017) Pierre Bourdieu: Theorizing the digital. *Information, Communication & Society*, 20(7): 950–966.

Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.

Martin J., George M. (2006) Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital. *Sociological Theory*, 24(2): 107–32.

Mears A., Finlay W. (2005) Not Just a Paper Doll: How Models Manage Bodily Capital and Why They Perform Emotional Labor. *Journal of Contemporary Ethnography*, 34(3): 317–343.

Mears A. (2015) Girls as elite distinction: The appropriation of bodily capital. *Poetics*, 53: 22–37.

Michael R. T. (2004) Sexual Capital: An Extension of Grossman's Concept of Health Capital. *Journal of Health Economics*, 23(4): 643–652.

Pivovarov A.M., Tkachuk D.V. (2021) Bodies' voices: bodily capitalization in Russian and British music video. *Russian Journal of Communication*, 13(3): 267–288. <https://doi.org/10.1080/19409419.2021.1951112>.

Ragnedda M., Ruiu M-L. (2020) *Digital Capital: A Bourdieusian Perspective on the Digital Divide*. Bingley, Emerald.

Shilling C. (1991) Educating the body: Physical capital and the production of social inequalities. *Sociology*, 25(4): 653–667.

Shilling C. (1992) Schooling and the production of physical capital. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 13(1): 1–19.

Shilling C. (2004) Physical capital and situated action: a new direction for corporeal sociology. *British Journal of Sociology of Education*, 25(4): 473–487.

Wacquant L. (1995) Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labour among Professional Boxers. *Body & Society*, 1(1): 65–93.

Warhurst C., Nickson D. (2007) Employee experience of aesthetic labour in retail and hospitality. *Work, Employment and Society*, 21(1): 103–120.

Warhurst C., Nickson D., Witz A. (2000) Aesthetic labour in interactive service work: Some case study evidence from the 'new' Glasgow. *The Service Industries Journal*, 20(3): 1–18.

FORMS OF BODILY CAPITAL: ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL CONCEPTS¹

Alexander Pivovarov (a-pivovarov@mail.ru)

St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, St. Petersburg, Russia
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — branch of the Federal
Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Pivovarov A. (2024) Formy telesnogo kapitala: analiz sotsiologicheskikh kontseptov [Forms of bodily capital: analysis of sociological concepts]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 152–178 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.6>. EDN: FKCZRP

Abstract. The review article is devoted to the analysis of the position of corporeality in the concepts interpreting and developing the classification of forms of capital by P. Bourdieu, who considered corporeal capital only as a kind of cultural capital. The work of researchers is analyzed (K. Hakim, D. Hutson), who propose to consider corporeality (in its various manifestations) as the fourth form of capital along with the three already established forms. New concepts related to corporeality, created in line with the Bourdieusian theory of capital, and designed to describe additional grounds for the emergence of hierarchies in modern societies, are considered. The author associates himself with those researchers who believe that today physicality can be considered as an independent form of capital, since it itself affects the position of an individual within various social fields. According to the author, such concepts as physical, sexual/erotic capital, gender and aesthetic capital can take the place of independent forms of bodily capital. The two most important aspects of the functioning of bodily capital are its accumulation and conversion. The latter is carried out on two levels, firstly, the innate and acquired properties of the body are transformed into other forms of capital — economic, cultural, social. Secondly, the conversion processes take place between the forms of the bodily capital itself. Bodily capital, like any form of capital, cannot be completely devoid of the potential for alienation, however, attention to various aspects of corporeality, even from the point of view of their capitalization, becomes in the era of digitalization a form of spontaneous resistance to the dictates of algorithmic rationality.

Keywords: capital, corporeality, bodily capital, physical capital, sexual/erotic capital, gender capital, aesthetic capital, Bourdieu, digitalization.

References

- Anderson T.L., Grunert C., Katz A., Lovascio S. (2010) Aesthetic Capital: A Research Review on Beauty Perks and Penalties. *Sociology Compass*, 4(8): 564–575.
Andreoni J., Petrie R. (2008) Beauty, gender and stereotypes: Evidence from laboratory experiments. *Journal of Economic Psychology*, 29(1): 73–93.

¹The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project no. 20-011-31138.

Beasley-Murray J. (2000) Value and Capital in Bourdieu and Marx. In: Brown N., Szeman I. (eds.) *Pierre Bourdieu. Fieldwork in Culture*. Oxford: Roman & Littlefield Publishers: 100–119.

Becker G. (1993 [1964]) *Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education*. Third edition. Chicago: The University of Chicago Press.

Bogomyagkova E.S., Dupak A.A. (2021) Tsifrovoy self-treking zdorov'ya v diskurse sotsial'nykh nauk [Digital self-tracking of health in social science discourse]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 12(2): 155–174 (in Russian).

Bourdieu P. (1978) Sport and social class. *Social Science Information*, 17: 819–40.

Bourdieu P. (1984 [1979]) *Distinction. A social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press: 241–258.

Bourdieu P. (2001) *Prakticheskij smysl* [Logic of practice]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aletejya (in Russian).

Bourdieu P. (2005) *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aletejya (in Russian).

Bridges T.S. (2009) Gender Capital and Male Bodybuilders. *Body & Society*, 15(1): 83–107.

Burawoy M. (2018) Nishcheta filosofii. Marks vstrechaetsya s Bourdieu [The poverty of philosophy. Marx meets Bourdieu]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 56–73 (in Russian).

Coleman J.S. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94: 95–120.

Dale K., Peyton P. (2020) *Fizicheskij intellekt. Kak slyshat' svoje telo i upravlyat' svoimi emotsiyami* [Physical intelligence. How to hear your body and manage your emotions]. Moscow: Alpina Publisher (in Russian).

Davydova A.M., Solyanova M.A., Sorensen K. (2021) Distiplinarnyye praktiki tsifrovogo self-trekinga: mezhdru emansipatsiyey i kontrolem [Disciplinary practices of digital self-tracking: between emancipation and control]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 1: 217–240 (in Russian).

Dekalov V.V. (2017) Kommunikativnyy kapital: kontseptualizatsiya ponyatiya [Communication capital: conceptualization of the concept]. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology], 10(4): 397–409 (in Russian).

Derevyanchenko A.A., Kalinin D.V. (2019) Tsifrovoye obshchestvo: novyye vozmozhnosti i staryye ugrozy [Digital society: new opportunities and old threats] [Electronic resource]. *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific works of Moscow University for the Humanities], 6 [http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1093] (accessed: 31.01.2024) (in Russian).

Desan M.H. (2013) Bourdieu, Marx, and Capital: A Critique of the Extension Model. *Sociological Theory*, 31(4): 318–342.

Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. (2020) Vozmozhno li tsifrovoye ravenstvo? (o knige YA. van Deyka «Tsifrovoy razryv») [Is digital equality possible? (about the book

by J. van Dijk “The Digital Divide”]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 10: 158–164. (in Russian).

Gaydenko P. (2000) *Istoriya novoevropejskoj filosofii v ee svyazi s naukoj* [The History of New European Philosophy in its connection with science]. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Universitetskaya kniga (in Russian).

Gimlin D.L. (2002) *Body work: beauty and self-image in American culture*. University of Berkeley; Los Angeles, California: California Press.

Green A. (2008) The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach. *Sociological Theory*, 26(1): 25–50.

Green A. (2013) ‘Erotic capital’ and the power of desirability: Why ‘honey money’ is a bad collective strategy for remedying gender inequality. *Sexualities*, 16: 137–158.

Hakim C. (2010) Erotic capital. *European Sociological Review*, 26(5): 499–518.

Hakim C. (2012) Erotic capital, sexual pleasure and sexual markets. In: *Pleasure and Health by education, counselling and treatment*. Proceedings of NACS 2012 conference in Helsinki. Ed. by Osmo Kontulapp. The Finnish Association for Sexology: 27–44.

Holla S., Kuipers G. (2016) Aesthetic capital. In: Hanquinet L., Savage M. (eds.) *Routledge International Handbook for the Sociology of Art and Culture*. London: Routledge: 290–304.

Hutson D. (2012) *Training bodies, building status: Health, physical capital, and the negotiation of difference in the U.S. Fitness Industry*. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of Michigan.

Hutson D. (2013) Your body is your business card: Bodily capital and health authority in the fitness industry. *Social Science & Medicine*, 90: 63–71.

Hutson D. (2016) Training Bodies, Building Status: Negotiating Gender and Age Differences in the U.S. Fitness Industry. *Qual. Sociol.*, 39: 49–70.

Ignatow G., Robinson L. (2017) Pierre Bourdieu: Theorizing the digital. *Information, Communication & Society*, 20(7): 950–966.

Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.

Ivanov D.V. (2014) Konceptii kapitala ot Karla Marksa do Marka Zukerberga [Concepts of capital from Karl Marx to Mark Zuckerberg]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 12(1): 126–134 (in Russian).

Ivanov D.V. (2020) Dopolnennaya sovremennost’: efekty postglobalizatsii i post-virtualizatsii [Augmented modernity: the effects of post-globalization and post-virtualization]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 5: 44–55 (in Russian).

Ivanov D.V., Asochakov Yu.V. (2023) Tsifrovizatsiya i kriticheskaya teoriya obshchestva [Digitalization and critical theory of society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 6: 3–15 (in Russian).

Joas H. (2005) Kreativnost’ deystviya [Creativity of action]. St. Petersburg: Aletheia (in Russian).

Kuznetsov V.N. (1970) Khristianskiy ekzistentsializm G. Marcel [Christian existentialism of G. Marcel]. In: *Frantsuzskaya burzhuaznaya filosofiya XX veka* [French bourgeois philosophy of the 20th century]. Moscow: Mysl’: 232–245 (in Russian).

Martin J., George M. (2006) Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital. *Sociological Theory*, 24(2): 107–32.

- Mead G. (2009) *Izbrannoye* [Selected Works]. Moscow: RAS INION (in Russian).
- Mears A. (2015) Girls as elite distinction: The appropriation of bodily capital. *Poetics*, 53: 22–37.
- Mears A., Finlay W. (2005) Not Just a Paper Doll: How Models Manage Bodily Capital and Why They Perform Emotional Labor. *Journal of Contemporary Ethnography*, 34(3): 317–343.
- Michael R. T. (2004) Sexual Capital: An Extension of Grossman's Concept of Health Capital. *Journal of Health Economics*, 23(4): 643–652.
- Pivovarov A.M., Tkachuk D.V. (2021) Bodies' voices: bodily capitalization in Russian and British music video. *Russian Journal of Communication*, 13(3): 267–288. <https://doi.org/10.1080/19409419.2021.1951112>.
- Radaev V.V. (2002) Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertatsiya [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. [Journal of Economic Sociology], 3(4): 20–32 (in Russian).
- Ragnedda M., Ruiu M-L. (2020) *Digital Capital: A Bourdieusian Perspective on the Digital Divide*. Bingley, Emerald.
- Shilling C. (1991) Educating the body: Physical capital and the production of social inequalities. *Sociology*, 25(4): 653–667.
- Shilling C. (1992) Schooling and the production of physical capital. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 13(1): 1–19.
- Shilling C. (2004) Physical capital and situated action: a new direction for corporeal sociology. *British Journal of Sociology of Education*, 25(4): 473–487.
- Shmatko N.A. (2003) Analiz kul'turnogo proizvodstva Pierra Bourdieu [Analysis of Pierre Bourdieu's cultural production]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 113–120 (in Russian).
- Shmatko N.A. (2020) Gorizonty sotsionaliza. Sotsionanaliz Pierra Bourdieu [Horizons of socioanalysis. Socioanalysis of Pierre Bourdieu]. In: Shmatko N.A. (ed.) *Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii RAN* [Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Aleteya: 13–46 (in Russian).
- Turner B. (1994 [1991]) Sovremennyye napravleniya razvitiya teorii tela [Modern directions in the development of body theory]. *THESIS*, 6: 137–167 (in Russian).
- Tyagunov A.A., Evstifeeva E.A., Makarov A.V. (2012) Transformatsiya telesnogo v tekhnologiyakh prinuzhdeniya [Transformation of the corporeal in technologies of coercion]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»* [Bulletin of TvGU. Philosophy Series], 3: 17–26 (in Russian).
- Vanke A. (2012) Telesnyj kapital muzhchin rabochih professij i ofisnyh sluzhashchih [The body capital of men of working professions and office workers]. In: Yasin E.G. (ed.) *XIII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 kn* [XIII April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development: in 4 books]. Moscow: Izd. dom Vysshiej shkoly ekonomiki. Vol. 3: 113–122 (in Russian).
- Vartanova E. (2021) Tsifrovoy kapital kak gibridnyy kapital: k voprosu o novykh kontseptsyakh mediaissledovaniy Digital capital as hybrid capital: on the issue of new concepts in media research. *Medialmanach*, 4: 8–19 (in Russian).

Vartanova E.L., Gladkova A.A. (2020) Tsifrovoy kapital v kontekste kontseptsii nematerial'nykh kapitalov [Elektronnyy resurs] [Digital capital in the context of the concept of intangible capital] [Electronic resource]. *Mediascope*, 1 [http://www.mediascope.ru/2614] (accessed: 31.01.2024) (in Russian).

Vdovina I.S. (1997) Maurice Merleau-Ponty: intersubektivnost' i ponyatiye fenomena [Maurice Merleau-Ponty: intersubjectivity and the concept of phenomenon]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], 1: 59–70 (in Russian).

Veselov Y.V. (2011) *Doverie i spravedlivost'* [Trust and justice]. Moscow: Aspekt-Press (in Russian).

Wacquant L. (1995) Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labour among Professional Boxers. *Body & Society*, 1(1): 65–93.

Warhurst C., Nickson D. (2007) Employee experience of aesthetic labour in retail and hospitality. *Work, Employment and Society*, 21(1): 103–120.

Warhurst C., Nickson D., Witz A. (2000) Aesthetic labour in interactive service work: Some case study evidence from the 'new' Glasgow. *The Service Industries Journal*, 20(3): 1–18.

Yemelin V.A. (2017) *Filosofsko-metodologicheskiy analiz transformatsii identichnosti cheloveka v usloviyakh razvitiya tekhnologiy informatsionnogo obshchestva* [Philosophical and methodological analysis of the transformation of human identity in the context of the development of information society technologies]. Abstract of the dissertation for the scientific degree of Doctor of Philology (in Russian).